

ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЧЕРНАЯ КНИГА ДИКОГО ЛЕСА

рассказы о земле и космосе

ДЕНИС МОРОЗОВ

16+

Денис Морозов

**Черная книга Дикого леса.
Рассказы о Земле и космосе.**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Морозов Д. В.

Черная книга Дикого леса. Рассказы о Земле и космосе. /
Д. В. Морозов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вурдалак Горихвост в панике. Дикому лесу угрожает опасность: селяне задумали уничтожить священный дуб, оберегающий лес. Спасти его может только колдовство Черной книги, но книга украдена, и в воровстве обвиняют самого Горихвоста. У вурдалака нет выбора: он должен поставить на уши весь Дикий лес, чтобы доискаться до правды. Сборник рассказов о захватывающих приключениях на Земле и в космосе.

Содержание

Черная книга Дикого леса	5
Крыса разумная	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Денис Морозов

Черная книга Дикого леса.

Рассказы о Земле и космосе.

Черная книга Дикого леса

– Ащкое пекло!

Вурдалак Горихвост высунул из оврага волчью морду, недоверчиво втянул ноздрями воздух и уставился на долину парой серых, коварно сверкающих глаз.

В деревне Грязная Хмарь затевалось что-то недоброе. С раннего утра мужики толкались на площади перед домом старосты Воропая, таскали хворост для костра и лили смолу для факелов. Двор старосты превращался в оружейный склад: кто приносил рогатину, кто боевой топор, кто просто валил на телегу вилы или тяжелые цепи для обмолота зерна.

Куций хвост вурдалака дрогнул, пригибаясь к земле. По серой в бурых подпалинах шерсти пробежала волна от тревожного вздоха. Изменник-ветер дунул в спину и понес волчий запах к селу. Псы за околицей почуяли неладное и начали рваться с цепей, заливаясь лаем.

Горихвост презрительно повернулся к ним задом и затрусил в сторону леса, опушка которого напознала на низину, как морская волна, катящаяся к берегу.

В этом году весна в Диком лесу задержалась. Месяц травень уже подходил к концу, а грязные комья снега еще громоздились в низинах и устилали овраги, чего Горихвост никак не мог одобрить, потому что на мокрых вмятинах слишком явно отпечатывались его особенные, с отставленным большим когтем, следы.

Тощий хвост радостно вильнул, когда сквозь остатки тумана проступили очертания исполинского дуба. По черной коре древа расползались глубокие морщины. На голых ветвях не колыхалось ни листика, несмотря на разгар весны.

Волк обежал вокруг кряжистого ствола и нырнул в низкий земляной домик с крышей, покрытой дерном. Края крыши касались лужайки, дерн порос травами, отчего со стороны эта полуземлянка напоминала холм с темным провалом входа посередине.

Внутри было где развернуться. Вдоль стен тянулись ряды поставцов. В дальнем углу дымился очаг, над которым качался закопченный котелок с варевом. Волк невольно оскалился, заметив на полатах нелепую куклу в шутовской одежке из лоскутов, однако не подал виду и повернулся к пестрому скomoroxу спиной. Едва он сунул нос в дымящийся котелок, как кукла ожила, прыгнула с полатей и вцепилась ему в загривок, восторженно голося:

– Попался, Серый? А ну, стаскивай волчью длаку!

Горихвост извернулся, скинул непрошеного седока и придавил лапой к полу.

– Отпусти! – завизжала кукла. – Сдаюсь, я опять проиграл!

Волк вскочил на задние лапы, сбросил шкуру и принял вид высокого, жилистого человека в добротном кафтане, теплых портах и стоптанных сапогах. Кукла прокатилась по полу, перекувыркнулась и превратилась в маленького, ростом всего в пол-аршина мужичка с бородой и густой гривой темных волос. Мужичок подбежал к вурдалаку, обнял его за коленку и проворно вскарабкался на плечо.

– Ну и ловкач же ты, Игоня! – ухмыльнулся вурдалак, обнажив пару желтых клыков. – Так хитро глаза отводить только ты и умеешь.

– Как же ты меня распознал? – спросил бородатый, ласково трепля клоч серой шерсти, оставшийся у вурдалака на загривке.

– Откуда в моем логове кукла? Я игрушек отродясь не держал! – загоготал вурдалак.

– Давай-ка я позабочусь о твоей длаке, – мужичок перепрыгнул на стол, бережно снял с волчьей шкуры репьи и убрал ее в переметную суму, которую вурдалак перекинул через плечо.

Вдвоем они выбрались на Туманную поляну, где уже собиралась обеспокоенная лесная братия. Водяной Колоброд выполз из болота, неловко шлепая лапами по траве, и теперь пучил рыбы глаза на русалку Шипуню, раскачивающуюся на дубовом суку. Шипуня – тонкая, бледная, с густой копной зеленоватых волос – строила рожи лешему Распуту, который устроился под молодой липкой и неторопливо плел лыко. Старая кикимора кряхтела и жаловалась на судьбу стогу сена, очертаньями подозрительно напоминающему оборотня. Однако все они сторонились и прижимались к земле, когда над головами пролетал, хлопая перепончатыми крыльями, демон-упырь Вахлак с багровым мясистым лицом и копытами на козлиных ногах.

– Горихвост! Где тебя черти носят? – загудел, как сто труб, Вахлак, едва завидев вурдалака с Игоней. – А ты, мелкий злыдень, не лезь под копыта – я о тебя спотыкаюсь. Что вызнали?

– Ничего хорошего, – мрачно буркнул Горихвост. – Деревня на нас ополчилась. Чем мы ей так досадили?

– Мужики давно на нас точат зуб, – зловеще завыл упырь, опускаясь на поляну.

– Еще бы! – подал голос пестрый Игоня, подпрыгивая, чтобы его было лучше видно. – У них глаз завидуший, рука загребушая. Я-то их близко знаю – столько лет прожил за печкой у старосты. Этот жмот даже по праздникам треб не ставил, а ведь злыдень в доме – лицо наиважнейшее, от него все богатство зависит. Стоит им узнать о сокровищах, что хранятся в пещере под Миростволом – и мигом заявятся. Не побоятся ни нашего лесного брата, ни лиха, что поджидает их на заповедных путях.

– Знаю, у тебя старая обида на селян, – погладил его Вахлак. – Как не кручиниться, когда после стольких лет безбедного житья тебя вдруг гонят поганой метлой? Дикий лес – не такое теплое местечко, как деревенская изба. У нас халявы не нагуляешь.

Все вокруг захохотали. Злыдень Игоня скривился и выпалил:

– Зря вы смеетесь. От мужиков только и жди, что пакости да подставы. Как дорвутся они до сокровищ – так не только разграбят все до последней монетки, но и пещеру вверх дном перероют. Корни отца всех дубов Мироствола подрубят, и рухнет наше великое Древо, а с ним – и весь лес.

Леший Распут перестал плести лыко, водяной сучить лапами, а русалка – качаться на ветке.

– То-то я смотрю – весна в этом году задержалась, – промолвил упырь. – Уж давно месяц травень, а на Миростволе – ни листика. Видать, чувствует Древо беду.

– Деревенские не впервой лезут в лес, – ухмыльнулся, оскалившись, Горихвост. – Пусть приходят. Я зубки им покажу.

– А вот и не покажешь! – запрыгал перед его носом пестренький скоморох. – Ты бежишь от огня, а они разведут костров до небес – так не только тебя, но и всю братву выкурят.

Вурдалак угрюмо подергал себя за длинный ус и отступил.

– Есть у нас и на это управа, – заверил Вахлак. – Черная книга!

Все разом умолкли.

– В Черной книге собраны старинные заклинания, на которых спокон веков стоит Дикий лес. Стоит вызвать Великого Лиходея – он явится из пекла и нагонит на гнусных людишек такого страха, что они век не забудут.

– Уж это да! – оживилась кикимора.

Водяной благосклонно забулькал. Русалка захохотала. Леший – и тот довольно гугукнул в кулак и погрозил кочедыком опушке.

– Сколько живу в Диком лесу, Лиходея еще не видал, – облизнулся Горихвост. – Мне бы хоть одним глазком на него взглянуть.

– Не упомяну, когда его последний раз звали, – с сомнением заметил Игоня.

– В прежние времена Лиходей каждую весну приходил. – мечтательно поведал упырь. – Садился посередине этой поляны на каменный престол и любовался на праздник, что устраивали в его честь ведьмы и колдуны. Мироствол от такого веселья давал первый лист. В лес приходила весна. Да потом ведовства стало мало, праздники стихли. Господин перестал появляться, от лесной братии только мы и остались, да изредка прибьется ко двору какая-нибудь приبلуда вроде нашего вурдалака или деревенского злыдня. Но нынче случай особый. Нашествие селян нужно остановить. По такому поводу раскрою-ка я вновь Черную книгу, как в старые времена!

– А ты читать-то умеешь? – насмешливо осведомился Горихвост.

– Я-то умею, – заверил его Вахлак. – Черная книга писана колдовскими письменами, и читать ее нужно не так, как обычную писанину, а наоборот. Если знать ее тайны, то все будет, как надо. А не знать – можно так набедокурить, что после костей не соберешь.

Над верхушками сосен пролетел черный ворон, уселся на ветвь Мироствола и тревожно закаркал.

– Ворон грает, что мужики вломились в лес! – поднял кривой палец упырь. – Настал лютый час. Медлить больше нельзя!

Под корнями огромного Мироствола зиял темный провал. Оттуда тянуло сыростью и холодком, но не из-за этого обитатели леса опасались совать туда нос. В пещере хранилось главное сокровище Заповедного края – Черная книга. А в глубине скалой высились ворота в преисподнюю, где обитал владыка Лиходей, страх перед которым был настолько велик, что один лишь упырь набирался храбрости подходить к закопченным створам.

Вахлак исчез в черном провале, ойкнул на покачнувшейся ступеньке и долго возился во тьме. Наконец, он появился, торжественно неся на бархатном покрывале ларец с откидной крышкой.

Горихвост затаил дыхание. Упырь повертел ларец корявыми пальцами, нащупал потайную пружину и щелкнул замком. Крышка лязгнула и приподнялась. Вахлак сунул внутрь мясистый нос, порылся, пошмыгал, и внезапно отпрянул, вращая круглыми, как блюдца, глазами. Ларец выскользнул у него из ладоней и грохнулся оземь. Из него выпал почерневший от старости лапоть с дырой на месте большого пальца.

– А где книга? – ничего не понимая, спросил вурдалак.

– Книги нет! – пролепетал упырь.

Его лицо поменяло цвет с багрового на пепельно-серый. Он приподнял ларец, перевернул днищем вверх и потряс с такой яростью, будто собирался вытрясти из него тридцатое пекло. Несколько грязных волокон драного лыка вылетели и понеслись на траву, вертясь в воздухе, как осенние листья.

– Сперли! – гулко выдохнул Вахлак.

– Как такое возможно? Мы же все... мы братва! – возмутился маленький злыдень Игоня.

– Ты чего ошивался рядом с пещерой? – впериł упырь острый взгляд в вурдалака.

– Как же? Я тут живу. И охрана поляны – мое дело, – заплетающимся языком объяснил Горихвост.

– Что же ты главного не уберег? Кроме тебя никто тут не рыскал. Признавайся, твоих поганных лап дело? – насел на него упырь.

– Как ты только подумал? – вышел из себя Горихвост. – Я за Дерево глотку порву!

– Ты – чужой. Приблудился к нам невесть откуда. Из всех лесовиков в тебе одном теплая кровь. Люди тебе роднее, чем наш брат.

– Я давно стал своим, – обиделся вурдалак. – Ты, Вахлак, сам с этим ларцом и возился. Нечего с больной головы на здоровую валить.

– Ах, так ты на меня бочку катишь? – разъярился упырь. – Братцы, вяжите его! Спиной к Дереву! Я попытаюсь до правды.

Горихвоста со всех сторон облепили цепкие лапы. Он попробовал вырваться, но его сжали так, что перехватило дыхание. Несколько мгновений – и его распластали по стволу Древа, опутав с ног до макушки такими толстыми веревками, что даже в волчьем обличье он не смог бы их перегрызть.

– Братцы, это же наш вурдалаша! – несмело подал голос Игоня. – Неужели вы думаете...

Но упырь грубо двинул мальчика по затылку и жестко велел:

– Обшмонать волчье логово! Нам без книги капец. Все на поиски, живо!

Водяной, леший, русалка в сопровождении мелких тварей и живности бросились к землянке. Игоня уныло поплелся следом. Беспокойно заграял в ветвях Мироствола ворон, негодующий на такое бесчинство. Упырь запалил давно подготовленный костер, щипцами выудил горящую головешку и с угрозой направился к Горихвосту, приговаривая:

– Признавайся по-хорошему, иначе придется с тобой по-плохому...

– Нашли! – дурным голосом завопила русалка, высовываясь из землянки.

Она подняла в бледных руках драгоценный книжный оклад, сверкающий золотом и самоцветами, и затрясла копной спутанных волос, заходясь в приступе хохота.

– А ты еще отпирался! – скаля зубы, прошипел упырь. – Тащите книгу сюда!

Однако под драгоценным окладом книги не оказалось. В просветах, сквозь которые раньше виднелся кожаный переплет, теперь зияла пустота.

– Куда книгу дел? Винись, пока цел! – полез к вурдалаку упырь.

Но Горихвост лишь ошалело вращал глазами и бормотал:

– Не мое это. Клянусь, не мое!

– Ну, ты сам напророчил! – потерял терпенье упырь. – Берегись, сейчас на твоей вшивой шкуре одной подпалиной станет больше!

И Вахлак подступил к нему с щипцами и пылающей головешкой. Вурдалак судорожно забился в путах и заголосил:

– Братцы, да вы что, в самом деле? Это же я, ваш вурдик, ваш серый Горюня! Сколько уж лет прошло, как мы снюхались. Вспомните, сколько соли мы вместе слизали, сколько вина вместе вылакали!

– Так почто ты нас предал, изменник? – заорал на него упырь.

– Не предавал я!

– А вот отведай-ка огоньку! Как паленым запахнет – сразу сознаешься!

И Вахлак начал тыкать головней в распахнутый кафтан, опутанный веревками.

– Постойте! – послышался тонкий голос.

Злыдень Игоня раскинул в стороны по-шутовски пестрые рукава и загородил Горихвосту своим телом. Его макушка едва доходила упырю до колена, но тучный демон все же остановился и с удивлением уставился на малыша. Игоня уперся сапожками в землю и принялся оттирать упыря подальше от дуба, заклиная:

– Послушайте, что грает ворон! Вы будто оглохли!

Ворон и в самом деле каркал, не переставая, и подпрыгивал на ветвях, отчего на голову вурдалаку сыпалась прошлогодняя шелуха. Упырь озадаченно поднял морду с тупым сплюснутым носом, прислушался и перевел:

– Вот ведь лихо! Мужики взяли путь прямо сюда. Они знают дорогу. Видно, кто-то им подсказал.

Он с ненавистью сверкнул зенками на Горихвосту и зловеще прибавил:

– Мы с тобой еще разберемся. Повиси тут пока. А вы, братья-лесовики, – обратился он к лесному народу, – живо все по местам! Пугните людишек, как вы это умеете.

Собравшихся на поляне как ветром сдуло. Русалка полезла на дерево, водяной пополз к болоту, а леший помчался в дебри, что отделяли лесную глубинку от опушки. Упырь взмахнул перепончатыми крыльями, покрутил длинным крысиным хвостом и оторвал от земли копыта.

– Облечу лес, может, подмогу найду, – сообщил он. – Ждите, скоро вернусь!

Его тяжеловесная туша взмыла ввысь и скрылась среди деревьев. Игоня набросился на веревки, прижавшие вурдалака к стволу, и принялся изо всех сил кромсать их ножом. Ему пришлось попрыгать, прежде чем пути спали. Горихвост сполз на траву, вздохнул полной грудью и растер затекшие руки.

– Уматывать надо, Серый, – суматошно запричитал злыдень. – Тащи свой хвост в чашу, пока братва не вернулась.

– Без хвоста я остался, – мрачно ощупал полы кафтана Горихвост. – Длаку у меня отобрали.

– Эх, что бы ты без меня делал? – с укоризной бросил Игоня, подтаскивая переметную суму. – Я твою длаку из логова стырил и сохранил. Вот она, надевай.

Горихвост сжал маленького злыдня в объятьях, едва не придушив, и проговорил:

– Игоня, лучше друга, чем ты, у меня еще не было!

– Ладно, ладно, ты только лизаться не вздумай, – отмахнулся Игоня, хотя по его довольной роже было заметно, что ему приятно.

– Ты-то хоть веришь, что я не крал книги?

– Я-то верю. Да что толку?

– Как могла наша братва решить, будто я – тать? Такая тоска – аж выть хочется. Прямо как в полнолуние. В лепешку разобьюсь, а пропажу найду.

– Куда тебе? Прячься в яругах и не выползай.

– Нет, ты деревенских жадюг лучше моего знаешь. Они и впрямь дуб подкапывают, и конец тогда нашему лесу.

Горихвост поднял голову к ворону и с почтением спросил:

– Ворон Воронович, тебе с высоты все видать. Не заметил ли, кто вынес книгу?

Черная птица горделиво приподняла клюв и выпятила грудь.

– Ой, прям раздулся от собственной важности, – неодобрительно буркнул Игоня.

Не обращая на злыдня внимания, ворон прокаркал несколько обрывистых фраз.

– Чего? Чего он сказал-то? – запрыгал от нетерпенья Игоня.

– А то ты не знаешь?

– Откуда? Я ж деревенский, я к тутошним лесным повадкам не приноровился.

– Говорит, будто никто книги не выносил, – с досадой сказал Горихвост. – Эх, ворон, хоть ты и глазастый, а самого важного не углядел.

Он подобрал драный лапоть, валяющийся перед входом в пещеру, и внимательно осмотрел его.

– Кто спер книгу – тот его и подбросил, – глубокомысленно заявил Горихвост, воздев кверху палец с нестриженным ногтем. – Найду хозяина этой рванины – найду и татя. Подскажи-ка мне, кто у нас носит лапти?

– Знамо кто: Распут-леший, – отозвался Игоня. – Он с утра до ночи только и делает, что плетет лыко. Если, конечно, в лесу не плутает и мужиков за нос не водит.

– Вот-вот, – просиял Горихвост. – Когда чужаки забираются в чашу, леший их первым встречает. Если кто с селянами и знается – так именно он. Ты, дружище, сиди тут, сторожи вход в пещеру, чтоб еще что-нибудь не уволокли. Ну а я побегу за Распутотом и заставлю во всем повиниться!

Игоня расправил серую, в бурых подпалинах волчью шкуру, и заботливо набросил ее на плечи приятелю. Едва третий кафтан вурдалака коснулся шерстяного покрова, как Горихвост

преобразился. Миг – и он уже стоит на четырех лапах, скалит клыкастую пасть и помахивает хвостом.

– Не попадись мужикам! – крикнул ему на прощанье Игоня. – Вертаться не торопись, тут тебя хлебом-солью не встретят!

Добраться до лешего оказалось не так-то просто. В дебрях, где он обитает, сам черт ногу сломит. А уж волчья лапа то и дело попадает то в яму, то в лужу талого снега, то скользит по сырому глиняному склону, то натывается на бурелом. А колючки-то, колючки так и виснут на шкуре со всех сторон, и попробуй их счисти, когда вместо рук – лишняя пара ног, а вместо пальцев – когти.

Деревянная изба лешего выглядела жалко даже по сравнению с логовом вурдалака. Она пряталась в самой чащобе, и только едкий дымок над дырой в крыше давал знать, что тут кто-то есть. Самого лешего не застать – где его только носит?

Горихвост сел на задние лапы и принялся к ветру. Дикий лес жил своей жизнью: скрипели старые древесные стволы, колыхались засохшие сучья, голосили ошалевшие от предвкушения весны птицы, шумели заросли густого кустарника. Кряжистые стволы лесных старожил угрюмо взирали на гостя, забравшегося в чужие владения.

Вурдалак подозрительно уставился на одну из осин, тщательно обнюхал ее и гавкнул:

– Распут, хватит в прятки играть! Разговор есть.

Осина судорожно взмахнула ветвями, сдвинулась с места и приняла облик высокого дикаря в грубом рубище и дырявой шапке.

– Кочедык тебе в ухо! Как ты меня распознал? – спросил леший.

– Все вокруг на ветру колышутся, ты один застыл, будто столб. И навозом от тебя несет так, что за версту можно почуять.

– А от тебя несет псиной, – обиделся леший.

– Это от того, что жизнь собачья. Но я явился не лаяться.

– Не до тебя мне сейчас. Деревенские мужики идут лес жечь. Если я их не запутаю, они, чего доброго, до самого Мироствола дойдут и его подпалят.

– Я тебе помогу.

– Ты уже помог, когда Черную книгу стащил.

– Да не брал я ее!

– Упырю сказки сказывай.

Вурдалак разозлился и прыгнул. Его зубы щелкнули у крючковатого носа лешего. Вблизи тот оказался не таким высоким, как выглядел издали – всего на голову выше обычного человека.

– Ага, вот ты и попался! – возликовал Горихвост. – Лапти-то на тебе совсем новенькие, из свежего лыка. А куда старые дел? Покажи-ка их. Живо!

– Сначала поймай меня! – проскрипел леший и с неожиданным проворством отступил в чащу.

Горихвост бросился за ним. Поначалу ему чудилось, что догнать неуклюжего дикаря, продирающегося сквозь подлесок – плевое дело. Однако как вурдалак ни стремился вперед, как ни обдирали шкуру о густые кусты – леший ближе не становился.

Распут двигался не спеша, перешагивая через овраги и бережно раздвигая заросли. Но при всей его внешней неспешности угнаться за ним оказалось никак невозможно.

– Что за наваждение? – высунув язык из пасти, остановился Горихвост.

Он едва успевал отдышаться. Леший оглянулся и хитренько подмигнул ему. Вурдалак зарычал, вскочил с места и резко скакнул, и снова не смог достать даже до пятки лесного хозяина.

Ащкое пекло! Хитришь? Ничего. Я тоже хитрить умею. У лешего все шиворот-навыворот и задом наперед. И вонючее свое рубище он носит на левую сторону. Вот и выходит, что у него одна сторона, а у меня – другая, оттого мы и не встретимся.

Горихвост скинул с плеч волчью длаку и принял людской вид. В человеческом облике продираться сквозь чащу оказалось совсем неудобно. Да ему и не этого было надо. Сбросив с себя тертый кафтан, он ловко вывернул его наизнанку и одел исподней стороной вверх. Правый сапог обул на левую ногу, а левый – на правую. Пояс рубахи завернул пряжкой за спину. Мир вокруг преобразился. Кусты перестали цеплять и запутывать, а деревья – хлестать ветвями. В три шага он добрался до лешего, ухватил за рубище и резко дернул назад:

– Нет, ты во всем мне сознаешься, или я тебя в щепку сотру!

– Ох, и настырная же ты псина! – глухо ухнул чащобник.

– За псину ты еще поплатишься! – пообещал вурдалак. – А пока отвечай: твой это лапоть?

И он вынул из-за пазухи улику, подобранную на поляне. Леший расхохотался:

– Ты дурной или поганок нанюхался? На размер взгляни. Сам попробуй, нацепи эту мелочь на мою ступню.

И он вытянул кряжистую ногу, похожую на толстый древесный корень. В самом деле: его кривая подошва была раза в три шире, чем лапоть из ларца. Плетенки лешего не только размером, но и видом не походили на ту, что держал Горихвост.

– Но ведь кроме тебя, в лаптях никто больше не ходит, – опешил вурдалак.

– Мужики ходят в деревне, – возразил Распут.

– Где деревня, а где мы? – все еще соображая, пробурчал Горихвост.

– Не простой это лапоть, – скривил деревянную рожу леший. – Я б его даже трогать не стал. Заговоренный он. Злой.

– А то ты у нас добрый.

– К тем, кто леса не портит – добрый. А кто рубит и жжет – тут уж не до добра.

За дремучей чащобой послышались голоса. Меж деревьев замелькали огоньки факелов, косы и топоры звонко запели, вонзаясь в подлесок и расчищая дорогу целой толпе мужиков во главе с сельским старостой Воропаем.

– Легки на помине! – бросил с досадой Распут. – Как они только дебри прошли, мухомор им всем в щи? Совсем страх потеряли. Видно, знают, что нет у нас книги, иначе ни в жисть не решились бы лезть.

– Как они могли это узнать? Кто им сказал? – вскрикнул Горихвост.

– Почему я знаю? Беги-ка отсюда. А я встречу гостей, как положено по лесному уставу.

– Нет, брат. Лес – и для меня дом. Вместе живем, вмести и драться за него будем! – возразил Горихвост и спешно накинул длаку.

– Ай! Да здесь чертов волчара! – испуганно заголосил Воропай, тыча в его сторону дубиной с горячей просмоленной паклей на конце.

– Разрази гром Еропку! – сказал молодой парень с рябой рожей, останавливаясь за его спиной. – Вот это тварь! Как будто из самого пекла явилась. Шкура навыворот, а лапы-то, лапы! Назад коленями выгнуты, будто нарочно сломали.

Мужики сгрудились с расширенными от страха глазами. Никто не решался сделать и шагу. Горихвост угрожающе зарычал и собрался кунуть Воропая за ляжку, но стоило ему двинуться вперед, как все тело с головы до хвоста пронзила острая боль.

Что за черт? Отчего спина с лапами будто треснувшее стекло?

– Ребята, этот оборотень маху дал! – азартно завопил рябой Еропка. – Смотрите, он и оборачиваться-то не умеет!

Кто не умеет оборачиваться? Я? Ах ты, стервец! Отведай-ка моего клыка...

– Серый! – зашептал на ухо леший Распут. – Ты кафтан с сапогами забыл обратно переодеть. Посмотри на себя!

Горихвост огляделся и ахнул. Его задние лапы торчали, неестественно вывернутые коленями назад, а шкура напаялилась шерстью вниз, так что наружу смотрела дубленая подкладка цвета протухшего мяса.

– Нападаем! Смелее! Жги эту адскую зверюгу! – завопил староста, потрясая факелом.

Мужики неуверенно сдвинулись с места. Леший шагнул вперед и закрыл собой Горихвоста, широко растопырив корявые руки, похожие на древесные сучья. Ему на голову тут же набросили рыбачью сеть. Леший запутался и начал барахтаться, не удержался и грохнулся оземь, высоко задрав ноги в новеньких лаптях.

– Глядите, а он не такой уж высокий! – тоненьким голоском крикнул Еропка. – Вяжи его крепче. И оборотня не упустите!

Воропай ткнул пламенеющим факелом прямо в нос Горихвосту. Ащкое пекло! Пламя! Самое страшное, что может быть в лесу. Не зря его длака хранит столько следов от подпалин. Справиться можно с любой бедой, но не с огнем.

Вурдалак отшатнулся и понесся назад, преодолевая ломоту в спине и лапах. Мужики позади улюлюкали и ликовали.

– Горихвост! Я пропал. Спаси Дерево! Найди книгу! – кричал ему вслед Распут, беспомощно барахтающийся в сетях.

– У кого еще мог быть такой лапоть? – оглянувшись, прохрипел вурдалак.

Над его головой пронесся камень, он прижал уши и припал к земле.

– Разве что у русалки? – гугукнул в ответ лесовик. – Та живет по-над речкой. Деревенщина в речку всякий мусор бросает, а вода ей приносит. Она свесится с ветки и ловит, старьевщица.

– Вижу! Тут он! – завопил Воропай, раздвигая кусты и нацеливая на него самострел.

Прожужжала стрела, едва не впившись в прядящее ухо.

– Беги-и-и! – протяжно завыл леший.

Горихвост позабыл о приличиях и драпанул со всех лап. А сзади уже ломилась сквозь лес разнузданная толпа, готовая сжечь и порушить все на своем пути.

Даже на темном фоне голых ветвей Миросвола трудно было разглядеть русалку Шипуню. Лесная дева забралась так высоко, что ее неестественно бледные ноги сливались с обрывками облаков, проглядывающих сквозь корявые сучья. Горихвост вцепился передними лапами в морщинистую кору, вытянул морду и гаркнул:

– Шипуня, ко мне, быстро!

– Еще чего! – состроила ему насмешливую рожу русалка. – Полежай ко мне сам, если коготки не обдерешь.

Вурдалак щелкнул зубами от злости и даже твякнул с досады, чего век не делал.

– Лей слюну, лей! – дразнила его русалка. – Слюнявчик тебе не подвязать?

Горихвост сбросил длаку и встал на ноги. Нижний сук висел высоко – не допрыгнуть. Имей он хоть три человеческих роста – и то бы не дотянулся. В задумчивости почесав шерстяной клок на загривке, он принялся приводить одежду в порядок.

Шипуня спустилась пониже, свесила со скрипучего сука густые, с зеленым отливом волосы, и принялась издеваться:

– Что, Серый, не по зубам тебе яблочко? А ты позлился, позлился. Нечего было обкрадывать братию.

– Никого я не обкрадывал!

– Вор! Татище! Переветник! Предатель! – самозабвенно изливала на него поток оскорблений русалка. – Рыбья кость тебе в глотку! Бычий цепень в кишки!

Горихвост выхватил из-под мятого кафтана свою единственную улику – драный лапоть – и со всех сил запустил им в гримасничающую физиономию девки. Лапоть звучно шмякнул

русалку по щеке. Та истошно завопила, перекувыркнулась и свалилась с ветки. Горихвост едва успел отскочить, иначе она угодила бы прямо ему на макушку.

Вурдалак ослабился, обнажив пару желтых клыков, и придавил ее коленом к земле.

– Сгинь, враг! Расшиб меня до смерти! – верещала русалка, извиваясь на чахлой траве.

– До какой еще смерти? – тут уж настал его черед усмехаться. – В тебе нет ни капли живой крови.

– Изыди! Не смей прикасаться ко мне этой колдовской лихоманью!

– Вот этой?

Вурдалак подобрал упавший лапоть и принялся тыкать им в рожу Шипуни.

– А-ой! Перестань! – в диком испуге завизжала она. – Все, что хошь скажу, только уймись!

– Это твой лапоть?

– Дурак, что ли? Не видишь, как он меня жалит? Я его даже тронуть боюсь.

– Тогда откуда он взялся?

– Видать, от селян. В нем деревенская ворожба. Чай, какая-то ведьма превратила его в оберег против нечисти. Кто повесит такой на дворе – к тому наши не сунутся.

– А почему мне от него ни жарко, ни холодно?

– Ты – чужой, ты нездешний. Ни одной ведьме не придет на ум пересчитать всех тварей на белом свете. Меня, лешего, упыря любой знахарь упомянет. А тебя, видать, позабыли, когда наговоры читали.

– Кто еще мог держать этот лапоть?

– Может кто-то из деревенских. Да мало ли кто? Почем я знаю, что на уме у людишек?

Горихвост перестал прижимать ее к кочке и поднял колено. Русалка тут же вскочила и полезла на дерево. Он завернул лапоть в тряпицу и спрятал за пазуху.

– Это что еще за допрос? – раздался за спиной грозный окрик.

Аццкое пекло! Только этого не хватало. На лицо Горихвоста упала холодная тень упыря. Демон хлопнул перепончатыми крыльями и взмыл в воздух, готовясь напасть. Из его крючковатых пальцев вылезли острые когти и нацелились вурдалаку в глаза.

– Вахлак, стой! Ты видишь, я даже не в волчьем обличье, – выкрикнул Горихвост. – Не собираюсь я с тобой драться. Мне только поговорить.

– Шкуру с тебя сниму – тогда и поговорю, – пообещал упырь и ястребом ринулся вниз.

Горихвост едва успел ускользнуть. Люди не приспособлены к бою с нечистой силой. В человеческом облике только землю мотыжить да коз доить, а коли драться – нужны волчьи зубы и звериная ловкость. Вурдалак едва успел развернуть свою длаку, как упырь налетел и вырвал ее из рук.

– Посмотрим, каков ты, когда не стоишь на всех четырех! – гоготал упырь, дырявя и без того выдававшую виды шкуру кривым когтем.

– Ах ты, тварь! – заревел Горихвост. – Без волчьей силы меня задумал оставить? Да я тебя в землю зарою!

Легко сказать! Упырь в два раза выше и в три – тяжелее. Шкура жесткая – не прокусить. Лапы длинные – за три аршина достанет, ухватит за горло пальцами-змеями да придушит в два счета. Разве только умом не блещет, как и все местные лесовики: взял, да и отбросил длаку подальше, чтоб не мешала.

Горихвост метнулся к ней, как к спасению, да недоглядел. Упырь камнем свалился на плечи и прижал к чахлой траве. Ох, и тяжела же его туша! А длаку он бросил нарочно, для приманки. Какой я простак!

И тут чей-то тоненький голосок пропищал:

– Серый, держись! Длака у меня. Тяни плечи – накинута!

Упырь удивленно разинул пасть, из которой дохнуло смрадом, и оглянулся. Позади него скакал смехотворно маленький злыдень Игоня, победоносно вздымая в игрушечных ручках скомканную волчью шкуру. Воспользовавшись замешательством противника, вурдалак извернулся и выскочил из-под тяжелой туши.

– Лови! – крикнул Игоня, кидая длаку ему.

Горихвост подхватил ее и без промедленья накинул. Миг – и он уже стоит на всех четырех, щеря клыки и размахивая хвостом.

– Я тебя и в таком виде порву! – гаркнул упырь и взмыл в вышину.

– Серый, сюда! – уже звал Игоня с порога пещеры.

Его пестрая шапочка, прикрывающая гриву волос, едва виднелась из-за кряжистых корней дуба, за которыми зиял мраком вход в подземелье. Вурдалак молнией метнулся к нему. Упырь в воздухе начал закладывать лихой разворот, да перестарался и врезался пятакон в Древо.

– Лезь в пещеру! – подтолкнул Игоня.

– Что ты? Там дверь в пекло. Я сроду туда не совался, – боязливо заупирался Горихвост.

– Эта дверь уже век не отворялась, – тянул за рукав Игоня. – Да и теперь отворить ее некому. Без заклинания из Черной книги Лиходей не появится. Спускайся, да будь осторожен – тут ступеньки шатаются.

Горихвост сделал шаг под темный свод и задержался. Клок волчьей шерсти на его загривке встал торчком, уши прижались. Зубы непроизвольно ощерились, из-под потрескавшихся губ высунулись желтые клыки.

– Тут никого! – звал Игоня. – Смелее!

Горихвост шагнул вниз, но каменная ступень под его сапогом покачнулась, он потерял равновесие и покатился в темноту, оббивая бока.

– Оппаньки! – вредненько расхохотался Игоня. – Сейчас я свет сделаю.

Злыдень хлопнул в ладоши, и на стенах вспыхнули факелы. Горихвост поднялся и отряхнулся. После яркого света дня в пещере было еще темновато, но глаза быстро привыкли.

Пещера под Миростволом казалась на удивление просторной. Стены были завешаны коврами с вытканными сценами дикой охоты. По углам высились сундуки, из-под крышек которых сверкали золотые монеты и самоцветные камни.

– Посмотри, сколько здесь разных богатств, – заговорил злыдень, любовно поглаживая ладонью россыпи драгоценностей. – У деревенских мужиков дух перехватит, едва они это завидят. Они затем и идут, чтобы эти богатства разграбить. Поверь: стоит им почуять наживу, и ничто их не остановит. Уж я-то знаю!

Горихвост двинулся вдоль сундуков, равнодушно скользя взглядом по сверкающим венцам и чашам. В дальнем конце пещеры виднелась каменная дверь, уводящая в глубокое подземелье. По обе стороны от двери высились мраморные статуи демонических воинов в тяжелых доспехах. Их разинутые пасти пугали рядами зубов, а свирепые морды горели такой яростью, что вурдалак непроизвольно оскалился и издал глухой рык.

Он заставил себя подойти и толкнул дверь ладонью. Она не поддавалась. Сдвинуть ее нечего было и думать – мокрый камень был неподвижен, как скала.

– Не бойсь, никто тут не появится, – бормотал Игоня, перебирая длинными пальцами золотые монетки из сундука. – Разве что мужики.

– Их-то я и боюсь, – возразил Горихвост. – У нас теперь одна надежда – на Лиходея.

– Лиходей глубоко, в самом пекле, – шептал Игоня себе под нос. – До нас ему дела нет. У него, поди, таких сокровищ пруд пруди. Станет он их защищать?

– Думаешь, дело в сокровищах? – спросил вурдалак и внимательно посмотрел на злыдня.

– А в чем же еще? – искренне удивился тот. – Что здесь еще такого, за что стоило бы убиваться?

Горихвост задумчиво поворчал и потер шерсть на загривке ладонью.

Каменная ступенька перед входом в пещеру глухо дрогнула. Пара тяжелых лап с грязными копытами придавила ее к земляному полу. Гулко хлопнули перепончатые крылья, протискиваясь в узкий проход. Пупырчатая кожа забагровела в свете подземных факелов.

– Батюшки, кто к нам пожаловал! – развел руки Игоня. – Его высочество Вахлак Первый, да прям в свое подземное владенье!

Упырь не удостоил злыдня взглядом и с ненавистью уставился на Горихвоста.

– Ты в ловушке! – злорадно проговорил Вахлак. – Из пещеры не вырваться.

– Недоумок! – выкрикнул Горихвост. – Сейчас сюда припрутся мужики, и в этой ловушке окажемся все мы разом. Если только ты сам с ними не в сговоре.

– Я?

– А кто же еще? Ты один днем и ночью ошивался в пещере. Ты один сторожил ларец. Никому не давал до него дотронуться, а на Черную книгу и глянуть не позволял. Только ты мог ее выкрасть так, чтоб никто не заметил.

– Верно! Верно! – подпрыгивал от нетерпенья Игоня. – Кто еще совал рыло в сундук, где она была спрятана?

– Вот вы как? – взревел упырь. – Да я вас по стенкам размажу!

Он хлопнул крыльями, оторвал копыта от пола и взлетел в воздух. Горихвост мигом вытащил из сумы свою длаку и накинул на плечи. Не успел Вахлак развернуться над его головой, чтобы по-ястребиному спикировать сверху, а Горихвост уже стоял на четырех лапах и щерил волчьи зубы. Они сцепились в клубок и покатались по полу, кусая друг друга и раздирая когтями, но упырь был намного крупнее и тяжелее. Он придавливал волка к земле, а его жесткая кожа едва поддавалась даже самым яростным щелчкам клыков.

– Куси его, Серый! Куси! – ожесточенно вопил Игоня, прыгая вокруг них.

Злыдень выудил из горы драгоценностей царский посох, сияющий позолотой, и принялся дубасить упыря по спине. Однако посох оказался слишком тяжел для маленького домовика, и Вахлак не обращал внимания на слабосильные удары. Горихвост почувствовал, что задыхается под жесткой шкурой упыря, кое-как извернулся и выскочил на свободу. Враг ринулся за ним, протягивая кривые лапы с когтистыми пальцами.

Горихвост оказался в углу, загнанно оцарапал каменные стены, развернулся и обреченно оскалится. Деваться было некуда, и он приготовился к последнему бою. Упырь надвинулся на него черной громадой, растопырил пальцы с когтями, похожими на ножи, и осклабился в безжалостной ухмылке.

– Постой! – выкрикнул Горихвост. – Если вырваться мне не судьба, то позволь умереть не в волчьем, а в человеческом духе.

– Воля твоя! – хрипло гаркнул упырь. – Только книгу отдать не забудь.

– Как скажешь! – покорно согласился Горихвост. – Она у меня за подкладкой.

Он скинул волчью длаку и снова стал жилистым мужиком в толстом кафтане поверх мятой сорочки. Осторожным движеньем, стараясь не раздражать упыря, он отогнул полу кафтана и достал из-за пазухи прямоугольный сверток в грязной тряпице, по очертаниям и размеру напоминающий книгу.

– Ага! Вот она! Я же говорил, что ты вор! – зашелся от ликования упырь. – Не смей к ней прикасаться!

Горихвост послушно протянул сверток упырю. Тот схватил его крючковатыми пальцами и жадно принялся разворачивать. Тряпочная обертка упала на пол, обнажив драный лапоть.

– Это еще что такое? – удивленно проговорил упырь, хватаясь за лапоть ладонью.

И тут же пронзительно взвизгнул, отшвырнув его прочь. Толстая кожа на его лапе покрылась волдырями и принялась пузыриться.

– Что за грязное колдовство? – изумленно заверещал он.

Игоня за его спиной издевательски захохотал.

– Что, съел? – выкрикнул злыдень.

Упырь зарычал от гнева. Мгновенно развернувшись, он бросился на Игоню и клацнул зубами перед его носом. Злыдень завизжал, как резаное поросё, и бросился наутек.

Горихвост подхватил упавший лапоть, швырнул его злыдню и крикнул:

– Держи оберег!

Игоня ловко поймал лапоть и ткнул им в морду упыря, отчего тот отшатнулся и осадил назад.

– Не нравится? – торжествовал злыдень, размахивая оберегом перед застывшими глазами Вахлака. – Серый, задай ему жару! Я его придержу!

Горихвост нацепил длаку, мигом обратившись в волка, оскалил зубы и со всех лап бросился к ним. Быстрый разбег, прыжок, взлет...

... и его зубы впились в бок Игоне.

– Ты чего? Перепутал по дури? – изумленно заверещал злыдень.

Но огромный волчара принялся возить этого мелкого, всего пол-аршина ростом, мужичка по земле, утробно урча и раздирая его пестрый зипун когтями. Ошалевший упырь наблюдал за ними стеклянным взглядом и не шевелился.

– Ты что творишь? Отпусти! – вопил злыдень.

Его длинная борода и лохматая грива волос мигом сбились в космы и покрылись слюной, обильно стекающей из пасти Горихвоста. Вдоволь поваляв злыдня, вурдалак скинул длаку, выпрямился в полный рост и потребовал:

– Отдавай книгу, ворюга!

– Какой я тебе ворюга? – уползая на коленях в угол, запричитал злыдень. – Совсем сбрендил?

Горихвост стегнул его лаптем по морде. Злыдень сморщился, но стерпел.

– Не жжется? – участливо спросил вурдалак.

– Пусти! – хныкнул Игоня.

– Тебе одному этот лапоть не прожигает ладони. Признавайся, откуда ты его взял?

Упырь придвинулся и с угрозой навис над бородатым мужичком, отчего тот совсем съёжился.

– Говори! – властно велел вурдалак.

– Хочешь правду услышать? – брызжа слюной, заорал злыдень. – Послушай, перед тем, как с тебя шкуру спустят. Тут сейчас вся деревня соберется. Мужики не упустят случая поквитаться с волчищем.

Упырь осторожно ткнул Игоне в брюхо когтем, отчего тот завыл.

– Этим лаптем в меня швырнул сельский староста Воропай, когда выгонял, – вращая выпученными глазами, заговорил злыдень. – Лапоть-то непростой, заговоренный. Деревенская ведьма превратила его в оберег от нечистой силы. Воропай как погнал меня из-за печки, так я и не усидел. А у вас в лесу сыро и стыло. Приютиться мне негде, ни тепла, ни постели. Я пошел к Воропаю и начал проситься обратно в избу. Он сказал: помоги вывести из Дикого леса всю нечисть, сам в лесу станешь хозяином. Выстроим тебе хоромы, каких ни у кого больше нет, всей деревней трёбы класть станем. Будешь кататься, как сыр в масле...

Игоня облизнул пересохшие губы.

– Ну а ты что? – потребовал Горихвост.

– А я согласился, – продолжил Игоня. – Куда мне было деваться? Не в лесу же куковать с вами, пещерными пнями. Я Воропаю поведал, что пока у вас Черная книга, вы ничего не боитесь. Он и велел мне книгу скрасть, да знак ему дать, чтобы всем селом выкурить вас, чертей, из гнезда.

– Выходит, это ты книгу скрал? – задыхаясь от гнева, спросил Вахлак.

– Я, а кто же еще? А лапоть, что не давал мне покоя и напоминал о позоре, я подложил, чтобы вас, лесных дикарей, осрамить.

– Как так вышло, что он тебе руки не жжет? – спросил Горихвост.

– Так же, как и тебе. Ты не здешний, а я – деревенский. А оберег силен только против лесовиков. Ведьме на ум не пришло заговорить его от всех тварей, что ни водятся на белом свете. Потому тебя и пронесло.

– Зачем тогда ты меня спасал? – недоуменно спросил Горихвост. – И от дуба меня отвязал, и длаку мне возвращал аж два раза?

– А мне выгодно было, чтобы упырь тебя не поймал. Пока ты в бегах – все думают, что ты – вор. На меня никто даже не смотрит. А кабы Вахлак ткнул тебя огоньком, то быстро бы доискался, что ты не при чем. Тогда все кинулись бы за настоящим виновником, ну а на кой ляд мне это?

– А откуда оклад в моем логове взялся?

– Я подобрал, пока ты по лесу носился. Для верности.

– Книга где? – пихнул злыдня кулаком Вахлак.

– А вот этого я не скажу! – выдавил через силу Игоня. – Слышишь топот снаружи? Это сельское мужичье добралось до поляны. Все, попались вы, братцы-нечистики. Целыми вам из этой пещеры не выйти!

Упырь зарычал и принялся драть злыдня когтями, но тот только брызгал слюной и вопил:

– Ничего ты со мной не сделаешь! Я такая же нежить, как ты! Меня не убить!

У входа в пещеру слышались возбужденные людские голоса. Вахлак бросил злыдня на землю и ринулся к лестнице. Шатающаяся ступенька покачнулась под его копытом. Он обернулся, взглянул на вурдалака и спросил:

– Серый, а как ты догадался, что ворюга – не я, а эта мелкая гниль?

– Ты за что станешь драться, пока дух не испустишь?

– За Мироствол, – ни мгновенья не сомневаясь, ответил упырь. – Без него лесу не выстоять.

– Вся лесная братва так и думает, – проговорил вурдалак. – А эта тля проболталась, что думает лишь о богатствах. Золото в сундуках ему дороже, чем Дерево всех древ. Нужно совсем прогнить, чтобы железо и камни ценить выше живого. Тут я и заподозрил, что не наш он – чужой.

– Ты прости меня, если что, – повинился упырь. – Зря я грешил на тебя.

– Все мы грешны, – сказал Горихвост. – Отбивай мужиков, сколько сможешь. А я поищу нашу книгу.

Упырь выскочил из пещеры. Снаружи слышался яростный рык, испуганные вопли людей и звук гулких ударов. Вурдалак огляделся.

– Черная книга – не мелочь, – задумчиво пробормотал он. – У злыдня кишка тонка, чтобы околдовать ее. Поэтому он и содрал с нее оклад – видно, думал, что от этого она беззащитнее станет. Никто не заместил, чтоб ее выносили отсюда, даже ворон, а уж он-то все знает. Выходит, книга до сих пор здесь, в пещере. Куда ты ее спрятал? – прикрикнул он на Игоню.

Но злыдень только забился в щель между двух сундуков и беззвучно таращился на него сверкающими ненавистью глазами.

– Ладно, и без тебя разберемся, – буркнул Горихвост.

Он откинул крышку одного сундука, другого, третьего, перерыл кучу холодных монет и камней, поблескивающих в свете полыхающих факелов. Заглянул за висящий ковер, отчего вытканый на нем змей заколыхался и заструился по стене, как живой.

– Ройся-ройся. Здесь до тебя уже всё перерыли, – злорадно прикрикнул Игоня.

Снаружи послышался отчаянный вопль упыря, такой болезненный, как будто его пытали. Горихвост бросился к лестнице, споткнулся на шатающейся ступени и грохнулся лицом прямо в скользкие камни.

– Аццкое пекло! – невольно выругался он. – Чтоб тебя Лиходей в порошок стер!

Внезапно он подскочил, вцепился пальцами в каменную ступень и принялся выдирать ее из земли. Камень не поддавался. Вурдалак подхватил позолоченный посох и начал орудовать им, как ломом. Ступень с треском приподнялась.

Присыпанная комьями грязи, под ней покоилась большая книга в черном кожаном переплете. Она набухла от сырости, но стоило ее тронуть, как страницы раскрылись, показав дивные изображения с летящими птицами и прытким зверьем.

– Вот ты где! – погладил ее грубой рукой вурдалак.

Игоня за сундуками завыл. Горихвост сунул книгу подмышку, выудил злыдня из щели и полез к выходу. Дневной свет ударил в глаза, заставив крепко зажмуриться.

– Вахлак! Я нашел книгу! Сейчас все поправим! – торжествующе заорал Горихвост.

И в этот же самый миг получил такой удар по лбу дубиной, что разжал пальцы и рухнул, как подкошенный, на вытоптанную траву.

Аццкое пекло! Почему так пахнет паленым? Это запах опасности, это запах тревоги...

Горихвост очнулся и открыл глаза. Он опять был опутан веревками по рукам и ногам и прижат к шершавому стволу дуба. В спину впились жесткие выступы древесной коры. Но беспокоило не это. Хорошо знакомый, такой неприятный запах паленой шерсти заползал в ноздри.

– А подбавь-ка еще огоньку! – глумились деревенские мужики, собравшиеся вокруг большого костра, который они развели прямо посередине поляны.

Горихвост глянул на пламя и обомлел. Староста Воропай опускал в языки пламени его серую длаку. Он держал ее так, как держат ядовитую гадюку: безглаголиво, с опаской, с перекосенным от страха лицом. Огненный жар принялся алчно вылизывать шерсть, оставляя на шкуре проплешины.

– Вы чего творите, уроды? – еще не придя как следует в себя, заорал Горихвост. – Не вами устроено – не вам и портить!

Но Воропай лишь с издевкой расхохотался и поворошил в костре уголек. Над ухом жалобно хрюкнула багровая рожа Вахлака. Горихвост скосил на него глаза. Упырь болтался вниз головой, подвешенный за ноги на толстом суку. Тяжелая цепь с амбарным замком плотно прижимала к спине его крылья. Русалка Шипуня, водяной Колоброд и леший Распут валялись среди вывороченных корней, опутанные грязной сетью. Один только Игоня скакал у костра, совершенно свободный, и потирал ладони, как в предвкушении вкусного ужина.

– Вот и пришел вам капец, – сказал Воропай, со смаком втягивая ноздрями дым от сгорающей длаки. – Сейчас всю нежить одним разом и изведем. Кончился век нечистой силы. Наш теперь лес!

– Осторожнее! – суматошно завопил Игоня, прыгая на одной ножке и цепляясь старосте за коленку. – Нежить недохнет, ее за здорово живешь не ухайдокаешь!

– Огонь не справится – Черная книга возьмет, – успокоил его Воропай. – А ну-ка, малой, тащи ее да читай то заклинание, которое из нежити дух вышибает.

Злыдень ослабил и мигом приволок книгу в черном кожаном переплете. Говорливые мужики враз умолкли и отступили подальше.

– Ты читать-то умеешь? – осведомился староста.

– А чего тут уметь? – расхрабрился Игоня. – Книга как книга. Открывай и читай.

– Брось! Не смей! – багровея еще больше, заревел упырь. – Я тебя на клочки порву.

– Никого ты уже не порвешь! – ухмыльнулся Игоня. – Сейчас тут и следа твоего не останется.

Серая длака на глазах превращалась в золу. Горихвост вытянулся в струну и от отчаяния завыл. Остатки сил покидали его. Как только последняя шерстинка рассыпалась в прах, он уронил голову на грудь и лишился чувств.

А Игоня меж тем жадно листал страницы и бормотал:

– Так, где тут что? Тарабарщина. Ничего не разобрать. Дикие письмена!

– Скоро ты? – нетерпеливо выкрикнул Воропай.

Злыдень сверкнул на него темным глазом и буркнул:

– Заклинания тут не подписаны. Не поймешь: где одно, где другое. Ну ничего: я и так знаю, что заклятье на снятие чар с заповедного леса должно быть на самой последней странице.

Он пролистал книгу до конца, прочистил горло и торжественно начал вещать:

– Шикалу, ликалу! Шагадам, магадам, викадам! Ахива, ванилши, схабатай, янаха!

Деревенские мужики с перекошенными от страха рожами попятились. Рябой Еропка выронил дубину и непотребно ругнулся. Пламя костра вспыхнуло и взвилось чуть не до облаков. Воропай отскочил и взвопил:

– Ты чего прочитал? Это какое-то лихоедейство!

Но Игоня, не обращая на него внимания, уверенно продолжал вещать:

– О, вилле, вилле, дан, юхала!

Из входа в пещеру вырвались клубы сизого дыма. В нос ударил запах серы. Раздался оглушительный скрежет, как будто камни сдвинулись с места. Земля содрогнулась от грохота чьих-то шагов.

Из пещеры вырвался сонм чертей: жутких, юрких, вертлявых, с острыми трезубцами в костлявых лапах. Они окружили поляну и пустились в безудержный пляс. Мужики завопили и прижались к костру, но это их не спасало – со всех сторон в них уткнулись трезубцы и принялись подталкивать в огонь.

В клубах дыма и пламени из пещеры появился статный муж в заморском камзоле из темно-синего бархата, с короткой, гладко стриженной черной бородкой, с пронзительно синими, ледяными глазами. В руках он держал царский посох – тот самый, которым Горихвост орудовал вместо лома.

– Дурень! Черную книгу задом наперед читают! – задергался от веселья упырь Вахлак, все еще продолжающий висеть вниз головой. – Где у других книг начало – там у нее конец, и наоборот. На первой странице – как вызвать Лиходея из пекла, на последней – как снять чары с леса. Это любой лесовик знает. Только ты, деревенский лапот, мог первую страницу с последней попутать!

Пришелец ударил о землю посохом. Мужики оцепенели, превратившись в подобие статуй. Ветки с дуба упали, сети распутались, замок на цепях разомкнулся, и упырь с грохотом обрушился на поляну, но даже не ойкнул, а только расхохотался диким, залившимся гоготом. Леший, русалка и водяной выбрались из сетей и склонились перед Лиходеем. Безжизненное тело Горихвоста сползло вниз по стволу и распласталось на жиденькой травке.

– Как же мы тебя ждали, господин и князь тьмы! – с чувством выговорил упырь, сгибаясь в неловком поклоне.

Лиходей окинул поляну колючим взглядом, ткнул посохом в злыдня и бросил:

– А это кто?

– Это изменник Игоня, – сморщил Вахлак свою багровую харю. – Он чуть было весь лес не загубил. Да сам же оплошал и вместо того, чтобы снять с леса чары, тебя вызвал.

Лиходей стукнул злыдня посохом по макушке. Игоня застыл, посерел и ушел в землю по пояс. По неподвижному лицу расплзлась паутина тоненьких трещин. Упырь опасно приблизился, ткнул его когтем и с удивлением произнес:

– Окаменел! Превратился в гранитного истукана!

– Так и пылиться ему до скончания времен, – сурово вымолвил Лиходей. – Ну а ты, деревенщина, что забыл в заповедном лесу? – обратился он к Воропаю.

Оцепеневший староста поворачивал деревянным языком, да не смог выдавить из себя ничего, кроме хрипа.

– Запомни простое правило, – велел ему Лиходей. – Обитатели леса не заходят в деревню, деревенские не суются в лес дальше опушки, и никто никому не мешает. Если ты меня понял, то я всех отпускаю. Если нет – останетесь тут навсегда.

Воропай так отчаянно закивал, что шапка слетела с его головы и плюхнулась в грязь.

– Вот и ладно, – удовлетворенно произнес Лиходей и взмахнул посохом.

Деревенские миготом оттаяли и бросились наутек. Не успели кусты отхлестать их колючками, как тех уж и след простыл. Лиходей затушил костер и воткнул посох в горелую проплешину. Сквозь черный пепел тут же пробилась зеленая травка, а Мироствол покрылся свежей листвой. Русалка Шипуня захохотала, белкой вскочила на нижнюю ветку и принялась раскачиваться, как на качелях.

– Весна! – закричала она звонким голосом. – Наконец-то весна пришла!

Но багровая физиономия упыря выражала необычное для него замешательство.

– Господине, – потянул он за рукав Лиходея. – Тут наш старый дружок. Это он до изменника доискался. Без него мы бы дух испустили.

И Вахлак показал кривым пальцем на распростертое тело Горихвоста, который уже не дышал. Ключки серой шерсти на загривке вурдалака опадали на землю, обнажая гладкую кожу. Желтые клыки выпростались из-под губы, отвалились и сгнулись.

– От него ничего не останется? – шепнул Вахлак.

– Жалко, – тихо сказала Шипуня и всхлипнула.

– Столько лет верой и правдой служил лесу, – прокряхтел леший Распут.

Лиходей опустил на траву колено, затянутое шелковой тканью, и погладил Горихвоста по обнажившейся коже. Сизый черт вытащил из кострища посох и протянул господину. Тот коснулся золотым наконечником переносицы вурдалака, и резко велел:

– Очнись и воспрянь!

Горихвост задышал, сначала слабо, потом все глубже и глубже. Веки его приоткрылись, глаза цвета тусклого серебра оглядели поляну.

– Что со мной? – спросил он.

– Я тебя возвращаю, – произнес Лиходей. – Ты еще нужен лесу.

– А ты кто?

– Угадай!

– Хозяин! – расплылся в улыбке Горихвост. – Столько лет я мечтал хоть одним глазком на тебя взглянуть. И вот наконец привелось.

Черти вокруг завели хоровод. Упырь подхватил русалку и пустился с ней в пляс, водяной застучал ластами и забулькал, и даже леший откинул прочь кочедык с лыком и принялся выделять корявыми корневищами кренделя.

– Ну а ты чего невеселый? – спросил Лиходей Горихвоста. – Радуйся – все обошлось.

– С чего мне радоваться? – вздохнул Горихвост. – Сожгли мужики мою длаку. Не бегать мне волком по вешнему лесу, не ловить дичь на охотах, не пугать чужаков. Клыки, и те выпали. Какой теперь из меня вурдалак?

– Это не печаль, – улыбнулся Лиходей. – Уж обновку-то ты заслужил.

Он вырвал волосок из длинного уса и подул на него. И тотчас в его ладонях вздулась пушистая длака – новенькая, лоснящаяся, без единой подпалины, только не серая, а черная, как глухая ночь. Лиходей сам набросил ее Горихвосту на плечи. Тот встал на четыре лапы, недоверчиво оглядел волчьего бока, взмахнул роскошным хвостом, и взвыл от восторга.

Собравшиеся вокруг друзья в один голос грянули со смеху.

– Как же тебя теперь кликать? – пошерстил его шкуру упырь. – Серым уж не назовешь. Может, Черныш?

– За Черныша я тебе морду начищу! – скалясь, гавкнул в ответ Горихвост.

Однако слово не воробей, вылетит – не поймает. По тому, как дружно принялась подтрунивать над ним лесная братия, он уже понял, что новое прозвище прилепится так, что не отбрышется.

Все вместе они провожали Лиходея со свитой в пещеру, вместе смотрели, как закрываются двери в горячее пекло.

– Эх, лишь бы до следующей весны ничего не случилось, – проговорил упырь, бережно прижимая к груди книгу в кожаном переплете. – А там – опять зацветет Мироствол, опять праздник.

– Придет беда – зови меня, – буркнул Горихвост, пробуя носом свой новый, пушистый мех.

– Позову, на покой не надейся, – осклабился его собрат. – Мужичье хоть и напугано, да скоро оправится и снова полезет. Вот тогда и покажешь им свою обновку.

Дальнейшие приключения вурдалака Горихвоста – в романе «Вурдалакам нет места в раю». Ищите на Litres.ru!

Крыса разумная

Пожилой профессор Гладкошерст тихонько цокал коготками по паркету Дворца всех наук. Его лапки болели и плохо сгибались. Облезлый хвост выглядывал из-под мантии и мел половицы у него за спиной. Очки на носу сверкали в лучах заходящего солнца, отпугивая едва проснувшихся студентов.

Он прошагал по длинному коридору мимо статуй восьми Мудрых Крыс и вошел в зал Правосудия, где священная инквизиция разбирала дело его ученика. Едва он появился, как председатель умолк из почтения к его былым заслугам. Профессор оглядел зал и приблизился к кафедре. Тихоскок, его диссертант, сидел в дальнем углу на одинокой скамье. Он выглядел осунувшимся и несчастным. Рыжая шерсть на загривке стояла дыбом, как бывает при сильных переживаниях. Круглые карие глазки отчаянно бегали по сторонам, пытаясь найти у присутствующих сочувствие и поддержку. Передние лапки с острыми коготками были сцеплены у брюшка, как будто защищая его от опасности. Профессор вздохнул и приготовился давать показания.

Епископ привел его к присяге.

– Когда вы впервые услышали от подсудимого ересь? – спросил один из инквизиторов.

– В науке нет ереси, есть только разные точки зрения, – скрипучим голосом ответил профессор.

– Когда вы услышали, что он сомневается в божественном происхождении Крысы Разумной? – поправил коллегу епископ.

– Тихоскок всегда отличался пытливым умом, – осторожно проговорил Гладкошерст. – Новые идеи из него били фонтаном. Но он не ставил под сомнение Святую веру.

– Подсудимый, кто внушил вам мысль о якобы существовавшей в далеком прошлом цивилизации Предков, останки которой покоятся на дне морском? – строго спросил инквизитор, обращаясь к затравленному студенту.

Тот нервно дернул хвостом и ответил:

– Если вы пытаетесь вызнать, не была ли это идея профессора Гладкошерста, то нет! Ни он, ни другие преподаватели никогда не говорили об этом.

– Как же тогда вы пришли к таким взглядам?

– Я вывел их из научного анализа фактов! – с жаром заговорил молодой крысенок. – Они изложены в моей диссертации. Памятники археологии указывают на существование исполинских сооружений, обитать в которых могли разве что великаны. Наскальная живопись изображает существ, напоминающих обезьян. Но самое главное – это морское стекло. Богатые дамочки носят его, как драгоценное украшение. Но природа не могла создать такую хрупкую красоту! Это искусственный материал. И он создан руками существ, живших задолго до нас!

Зал зашумел. Профессора, диссертанты, студенты – все пришли в замешательство. Раздались выкрики с мест – и восхищенные, и негодующие. Епископ зазвонил в колокольчик и громко потребовал:

– Тишина! Подсудимый даже не думает скрывать своих кощунственных заблуждений. Священный совет инквизиции выносит обвинительный приговор. Еретик будет сожжен заживо, и пусть это послужит уроком другим.

Присутствующие опять зашумели, на этот раз испуганно и приглушенно.

– Позвольте за него заступиться! – возвысил голос профессор.

Декан состроил испуганное лицо и принялся ожесточенно размахивать лапками, давая знак, чтобы тот замолчал. Но Гладкошерст не обратил на него внимания.

– В науке принято доказывать свою правоту. Провинившийся имеет право на отсрочку. Пусть он представит нам доказательства. Если он окажется прав, то его следует оправдать. Если нет – то приговор будет приведен в исполнение.

Епископ посовещался с коллегами.

– Священный совет дает осужденному отсрочку на одну ночь, не считая сегодняшней, – провозгласил он. – По окончании этого срока он должен представить неопровержимые доказательства своей теории. А до тех пор приговаривается к изгнанию, и если его хвост хоть раз мелькнет внутри Города – то он будет казнен на месте!

И он поднялся из-за стола, давая знать, что заседание окончено. Собравшиеся принялись расходиться. Тихоскок оказался в пустоте – никто не решался к нему подойти, никто не осмеливался сказать ему слова. Когда он направился к двери, все шарахнулись в стороны, как от больного крысиной чумкой. И лишь пожилой профессор не побоялся приблизиться и обнять его.

– Что вы? Зачем так? Они же увидят, – смущаясь, проговорил ученик.

– Я не боюсь этих котов, – ответил учитель. – В мои годы робеть уже поздно.

И тут же Тихоскок ощутил, как кто-то нежно дотронулся до его лапки. Он поднял глаза. На него печально смотрела Белянка. В ее красных глазках виднелись капельки слез. Белая шерстка на голове была уложена в модную прическу. Белянка была альбиноской, из-за чего по ней сходила с ума вся студенческая общага.

– Тихоня, мне так тебя жаль! – дрожащим голосом проговорила она.

– Подожди, меня еще рано жалеть! – расхрабрившись, заверил он. – У меня есть целые сутки. А в рукаве припрятан козырь, о котором они не знают.

– Какой у тебя может быть козырь? – грустно улыбнулся профессор.

– Вы самые близкие мне существа, поэтому вам я откроюсь, – с жаром заговорил Тихоскок. – Я два года просидел в библиотеке и видел там чертежи старых мастеров. Они проектировали подводный колпак, с помощью которого можно погружаться на морское дно. Я уже сделал несколько опытных образцов для морехода по имени Ветрогон. Мы нырнем в пучину и добудем морское стекло. И я докажу, что его сделали Древние Предки.

– Никаких предков нет, это миф! – сказала Белянка и погладила его по плечу.

– Это восемь Мудрых Крыс в подземном царстве – миф! – рассердился Тихоскок.

– Тише, ты что? – испуганно огляделся профессор. – Не святотатствуй. Вдруг нас услышат?

Но слышать их было некому – никто не хотел приближаться.

Профессор отправился домой. Он неспешно шагал, волоча старые лапы. Хвост безвольно свисал за спиной. Тихоскок и Белянка посмотрели ему вслед. Теплая летняя ночь уже окутала Город. Сияющая луна выкатилась на небосвод и заливала улицы призрачным светом. Народ оживился и высыпал наружу, отовсюду раздавались веселые пiski и цокот коготков, царапающих мостовые. Белянка игриво взяла друга за лапку и повела на центральную площадь.

– А у меня сегодня последняя ночь вольной жизни, – сообщила она. – Меня отдадут в гарем магистру Кривозубу. Он очень богат, хотя и немолод. В его гареме уже двенадцать жен, я буду тринадцатой.

Тихоскок сжался и взглянул на нее. Она была такой юной, такой прелестной! Ее упругий хвостик игриво вилял из стороны в сторону. Глазки, похожие на красные бусины, живо стреляли в прохожих. Гладко расчесанная шерстка была такой мягкой, что лапки сами тянулись погладить ее. Он вздохнул, но вслух сказал только:

– Магистр Кривозуб – один из отцов нашего Города. В его гареме мечтают попасть девушки из лучших семей. Наверное, ты будешь счастлива.

– Вот еще! – обиженно надулась Белянка. – Он такой строгий! И такой ревнивый. Говорят, что своих жен он не выпускает из келий. А зачем я училась? Чтобы меня заперли на всю жизнь? Я хочу путешествовать! Хочу видеть мир! И это ты называешь счастьем?

– Если б я только мог тебе помочь! Но я сам превратился в изгоя.

– А знаешь что? – глазки Белянки игриво забегали. – Будь моим дружкой на обряде Целомудрия. Это еще не свадьба, но мне покажут будущую келью, а тетки жениха осмотрят меня и удостоят, что я гожусь в жены. Я хочу, чтобы со мной был кто-нибудь из друзей. Мне так нужна твоя поддержка!

Церемония первого ввода в гарем началась незадолго до утренних сумерек. Перед каменным дворцом, принадлежавшим магистру Кривозубу, собралась праздничная толпа. Белянка была накрыта прозрачным покрывалом, которое не могло скрыть ее нежных форм. На голову надет венок с разноцветными лентами. «Какая красивая невеста! Как повезло жениху!» – шептались вокруг.

Однако невеста не казалась счастливой.

– Еще чуть-чуть, и меня запрут в этой норе навсегда! – жалобно шепнула она из-под покрывала. – Тихоня, спаси меня!

На высоком крыльце показался жених. Он процокал когтями по мраморным ступеням и спустился невесте навстречу. Член городского магистрата Кривозуб выглядел постаревшим и ожиревшим. Он оглядел невесту, а затем сорвал покрывало с ее головы, чтобы все могли видеть ее редкую красоту. Окружающие ахнули – такого нарушения обычаев не мог позволить себе даже правитель.

Белянка зарделась и закрыла лицо коготками.

– Магистр, вы нарушаете традицию! – возмущенно выкрикнул Тихоскок.

– А ты что тут делаешь? – удивленно сказал Кривозуб. – Ты же приговорен к изгнанию. Стража, немедленно взять его! Ему не позволено находиться в городе под страхом казни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.